

большим городом, и жители ее занимались не только металлургией. Тем более, что рудников там найдено не было и геологи уверяли, что их и быть не могло. Значит, и возникла она как обычное поселение, а металлургическим центром стала потом, по неизвестным пока причинам.

И. если завод — самое яркое в находках на городище, то в том, что он — самое главное, уверен скорее Виталий Ленков, выросший в опытного археолога на этих раскопках. Шавкунов же куда более гордится раскопанными домиками жителей города. Все они, как завод, как дома чиновников на вершине сопки, были разрушены и сожжены монголами, но поколения металлургов, солдат, кузнецов, торговцев оставили по себе настолько многочисленные и очевидные следы, что теперь можно с уверенностью говорить о быте чжурчжэней, их работе, занятиях, во что они верили, как развлекались.

Это были удивительные люди, и летописи ничего не сообщали нам о них, ибо простые чжурчжэни не участвовали в государственных заговорах, а уходя в поход, не возглавляли армии и флот.

Оказалось, что жители Шайги были искусниками и мастерами на все руки. Вряд ли можно найти какой-нибудь другой город древности, где буквально в каждом доме встретишь не только орудия для охоты и рыболовства, но и небольшую плавильную печь или горн, набор ювелирных инструментов, инструментов для обработки камня и оружия. И неважно, жил ли в доме солдат местного гарнизона, рабочий с металлургического завода или кузнец, — каждый умел делать все. Лишь некоторые инструменты, бронзовые зеркала, покрытые серебряной амальгамой, ткани, посуду, панцири горожане покупали на заводе или у торговцев.

Найдены были на городище и чжурчжэньские монеты. Монетную систему в Золотой империи ввели после того, как чжурчжэни захватили земли киданей в Китай. Более того, известно, что чжурчжэни не только чеканили монеты, по качеству и чистоте бронзы лучшие в средневековье, но и ввели в обращение бумажные деньги. Бумажных денег в Шайге, правда, обнаружить пока не удалось, зато монеты, насчитывавшиеся до того в археологических сборах единицами, встречались десятками.

Сейчас раскрыта лишь часть города, но уже можно представить себе в общих чертах, как жили обитатели Шайги.

Над городом возвышались дома чиновников. Они стояли у самой вершины сопки, видные издали, покрытые черепицей, которая поблескивала под дождем, но быстро высыхала и серела, когда дул ветер. Он разгонял летнюю жару и дым, поднимавшийся от печей.

Шаман жил чуть ниже. Здесь, в традиционном чжурчжэньском городе, где не часто бывала новая знать, не было буддийского монастыря. Господствовала вера предков, языческая религия, которая дошла до наших дней в виде шаманства. На дворе перед домом шамана стоял каменный алтарь, к нему в праздники стекались горожане. Далее, разбросанные по террасам, спускаясь к ключу, уходя к близкому лесу, раскинулись улицы Шайги. Разделение труда было довольно четким: кварталы солдат, ремесленников, торговцев, — многое еще предстояло открыть и узнать археологам. Но и солдат и металлург уходили к синим сопкам за Сучаном охотиться на зверей или спускались в долбленых ботах по реке и ставили сети.

Шавкунов достает из сейфа деревянные аккуратные коробки из-под кубинских сигар. Дно коробок устлано ватой. Здесь лежат, ожидая дня, когда займут место в витринах музея, наиболее ценные из находок. Другие, не столь редкие, заполнили шкафы в кабинете. И неизвестно еще, что более впечатляет гостя — изящные ножницы, напильники, ключи, заслонки от горнов, похожие на черепаха с усами, многочисленные и разнообразные наконечники стрел, пластинки от панцирей или «сокровища малых форм», таящиеся в сигарных коробках.

Здесь, в небольших комнатах, собрано пока почти все, что осталось от многотысячного города, исчезнувшего трагически, но не бесследно. Семь лет работы нескольких увлеченных людей вернули город к жизни, на обшную, еще не полную, грандиозную карту истории человечества. И именно обыденность повседневных вещей поражает больше, чем драконьи головы с храмовых крыш. То — экзотика. Красиво и не совсем реально. Тут — ясно видишь человеческие руки, державшие эти клещи и ножницы.

Вот бронзовое зеркало. Их несколько в сигарной коробке. На

каждом сложный цветочный узор и ушко, чтобы привязать к поясу. Если повернуть зеркало под определенным углом к свету, увидишь среди цветов четырех танцующих юношей в шароварах, невысоких сапожках, с четырехугольными вырезами на рубашках. Это чжурчжэни, исконные жители здешних мест. Кстати, этнографы узнали в одежде черты, роднящие ее с нарядом нанайцев.

Монеты. Как новенькие, покрытые лишь ровной серой патиной. Пряжки и бляхи с одежды украшены орнаментом, сохранившимся в Приморье по сей день. Орнамент консервативен, и по нему порой легче проследить историю народа, чем по керамике или другим материальным источникам. В орнаменте некоторых из чжурчжэньских вещей есть, помимо местного, и явное тюркское влияние. Сохранились сведения, что еще до создания Золотой империи к мохэсцам, предшественникам чжурчжэней, пришли отступавшие под давлением соседей с запада аланы. Они вскоре смешались с мохэсцами, но следы их остались и в тюркском пласте чжурчжэньского языка, и в орнаменте, и даже во внешности современных нанайцев и удэгейцев. Среди них встречаются блондины со светлыми глазами. Таким был, например, верный спутник Арсеньева Дерсу Узала.

Или вот совсем загадочные на вид маленькие фигурки. Два тюлененка, прижавшиеся друг к другу и глядящие в разные стороны, хрустальный зайчонок, полевая мышь из черного камня, две рыбы... В фигурках просверлены отверстия. Лишь в этом году удалось окончательно понять, что это нэцкэ, самые первые в мире нэцкэ — своеобразные брелоки, известные в Японии начиная с XV века и являющиеся объектом собирательства и тщательного изучения как один из видов типично японского искусства. А в Шайге нэцкэ бытовали в XII веке, были обычны, изготавливали их, видно, почти в каждом доме для себя...

* * *

— Прошлой осенью, — говорит Шавкунов, укладывая в шкаф громадные чжурчжэньские ножницы для резки железа, — мы наконец нашли время для того, чтобы выяснить, откуда поступало в Шайгу железо. Ориентиром

для нас стала двухсоткилометровая забытая дорога, следы которой и сейчас видны в тайге. Проследив дорогу, мы поняли, что она ведет к Ольгинскому городищу. И там нашли рудники. А также остатки металлургического комплекса...

— Значит, Шайга не одинока?

— Ни в коем случае. Возможно, мы найдем со временем города, с которыми наша Шайга не сможет идти ни в какое сравнение.

— Значит, работы на много лет?

— На всю жизнь. И не только мне — всем, кто работает здесь, да и тем, кто придет вслед за нами. Мы, хоть и ведем разведку других городищ, уходим с Шайги не собираемся. Мы лишь начали ее исследовать.

— И что вы собираетесь там найти?

— Вопрос, достойный моего сына. «Папа, а что ты еще найдешь на раскопках?» Если бы мы могли знать, что нас ждет, задача была бы в десять раз проще.

— Ну, а если сформулировать вопрос по-другому: что вам хочется отыскать?

— На это ответить можно. Побольше образцов письменности. В распоряжении ученых есть лишь несколько надписей чжурчжэней, в том числе и те, которые мы только что разглядывали, — надписи на зеркалах и других изделиях Шайги. Но этого мало. Надписей мы пока не читаем. А пора бы уже. Так вот мы хотели бы найти чжурчжэньские документы...

* * *

Лето. Восьмой год подряд владивостокские археологи разбивают палатки на берегу ключа Батарейного, у лесистых сопков Шайги. И вечером, когда темнота не позволяет работать, они собираются в палатке, выключив свет, чтоб не привлекать отчаянных комаров, слушают, как надоедливо стучит по брезенту дождь, и спорят. Ведь столько еще загадок в Шайге. И каждый день приносит новые.

Продолжается напряженный труд советских историков, раскрывающих важные страницы прошлого коренных народов нашего Дальнего Востока — людей, умевших не только творить и созидать, но и побеждать чужеземных захватчиков, не раз угрожавших с юга.

В ТУНИСЕ

Н. ЛУЦКАЯ

Кандидат исторических наук

ТУНИС — это прежде всего обилие иностранных туристов. На городских улицах, в магазинах, на рынках — всюду их разноязыкие группы. По побережью Средиземного моря за последние годы выросло много красивых, благоустроенных, многоэтажных отелей с плавательными бассейнами (зимой вода в них подогревается), обширными террасами, сбегаящими к самой кромке прибоя, с площадками для игр и — при каждом — с неким подобием восточного базара из нескольких лавочек, где продают сувениры и изделия местного ремесла. Как правило, при гостиницах имеются и ночные клубы.

Туризм — немаловажная статья дохода для Тунисской Республики. Вместе с тем он дает возможность занять значительную

часть молодежи в сфере обслуживания.

Проблема занятости! Как и во многих развивающихся странах, в Тунисе она очень актуальна. Ежегодно надо трудоустроить новую армию молодых людей, к тому же не имеющих зачастую никакой специальности. Тунисское правительство изыскивает различные способы, чтобы обеспечить их работой. С этой целью, в частности, создан был Тунисский центр ремесла Ден-Ден.

Изделия тунисских кустарей, как и умельцев из других стран Магриба, давным-давно снискали себе славу. Однако, поскольку в наши дни фабричная продукция вытесняет более дорогую кустарную,

Студенты на занятиях в Национальном университете Туниса.

Фото ТАСС

НАУКА И ЖИЗНЬ

Автомагистраль от аэропорта к столице — городу Тунису.

Фото А. Стужина (ТАСС)

судьба ремесленного производства висела на волоске. Для того чтобы древнее искусство не исчезло, чтобы старые мастера передали свои производственные секреты молодому поколению, и основана в 1962 году эта своеобразная школа.

Тунисский центр ремесла расположен в предместье столицы. Это целый городок из одноэтажных и двухэтажных зданий, светлых, чистых, окруженных деревьями, газонами, цветниками. Работает здесь около двух тысяч человек, в основном молодежь 16—17 лет. Треть составляют девушки. Как правило, в мастерских либо целиком мужские, либо женские коллективы, но есть также цеха, где мужчины и женщины работают вместе.

Входим в деревообделочную мастерскую. Она выпускает кровати, колыбели, ширмы, шкафы. Вся мебель украшена тонкой резьбой. Нас познакомили с одним из инструкторов — старым мастером Хамруни, который делает вещи изумительной красоты, с воздушным узорным орнаментом, который можно сравнить только с вологодскими кружевами.

Цех медников. Здесь делают различные пепельницы, тарелки, блюда. Заготовки из медного листа покрывают эмалью и обжигают. После обжига снова покрывают эмалью, и молоденькие девушки наносят на них рисунок, причем особый, оригинальный на каждом изделии; затем следует вторичный обжиг. Работа, так же как и в деревообделочном цехе, в основном ручная. Из «современной» техники — только электроножницы да электропечи для обжига (на которых работают мужчины).

В ателье чеканки юноши изготавливают из меди блюда, гонги, пепельницы и т. д.

Следующий цех — «музыкальный». Здесь производятся как европейские так и национальные музыкальные инструменты, пользующиеся большим спросом.

В маленьком мрамороотделочном цехе вручную выбивают орнамент на мраморных плитках, идущих на украшение жилых домов и общественных зданий.

Очень интересен цех тиснения кожи. Тисненные изделия Магриба известны далеко за его пределами. Изящные футляры для

карт, для бижутерии, обертки для книг, бьюары — чего только здесь нет! Зеленая, красная, темно-бордовая кожа с золотым тиснением выглядит очень эффектно. Здесь же изготавливаются шитые золотом круглые корбки для рукоделия и арабские туфли без задников — бабуши.

Ателье абажуров, золотошвеек, цех птичьих клеток... Два ковровых цеха. В первом на горизонтальных станках, за которыми сидит одна или две работницы, ткуются длинноворсовые ковры «отмеш». Здесь же производится материя для праздничной национальной женской одежды — шерсть с золотой и серебряной нитью. С вертикальных станков второго цеха сходят низковорсовые ковры. За каждым станком — четыре девочки. В цехе страшный гомон, смех, девичий щебет.

В ювелирном ателье делают серебряные украшения — кольца, браслеты, маленькие брелоки. В основном это филигрань. Дальше — мастерская по обработке кораллов. Мальчики и девочки работают на примитивных ножных станках. Руководит ими мо-

лоденькая 23-летняя художница. Она распределяет задания, подбирает рисунки. Каждая готовая вещь оригинальна, ни одна не повторяет другую.

Продукция ремесленного центра находит большой спрос, особенно у иностранных туристов.

А как отдыхает тунисская молодежь? Мы посетили три столичных клуба. Молодежный культурный центр на улице Ибн-Халдуна — большой дом, хорошо, современному обставленный. Здесь работает библиотека, драматический кружок, музыкальный, шашечный, литературный... Организуются лекции, киносеансы, концерты. Примерно треть членов клуба составляют девушки-студентки.

Второй клуб, на площади Пастера, меньше первого, но работа, которую он ведет, очень значительна. «Хозяйка» его, Джамиля Хафзи, обаятельная и энергичная, устраивает диспуты, обсуждение книг, новых кинофиль-

ветском Союзе, посетила Москву, Ленинград, Ригу, Ташкент. Все увиденное произвело на нее очень большое впечатление. Особенно поразили ее масштабы нашей страны и место, которое занимает советская женщина в обществе.

Надо сказать, что и положение тунисской женщины выгодно отличается от положения женщин в ряде других арабских стран. Национальный союз тунисских женщин за 14 лет своего существования провел громадную работу по женской эмансипации. Созданы курсы ликвидации неграмотности, радио ежедневно ведет специальные передачи для женщин, появился ряд школ для девушек, детские сады, приюты для сирот, инвалидные дома для престарелых.

Национальный союз женщин — большая, оперативная организация с дружным активом, с хорошо продуманной структурой. Она имеет прочные связи со многими

Воспользовавшись старым знакомством, я попросила у нее аудиенции. Радия Хаддад прислала за мной одну из своих помощниц, г-жу Тарзи. По дороге мы разговорились. Моя спутница оказалась директором акционерного швейного предприятия. Все работницы фабрики, рассказала она, акционеры общества. Когда женщина поступает на работу, ей предоставляют в кредит акцию, стоимость которой выплачивается постепенно. Позднее, по желанию, она может приобрести новые акции. Рабочий день длится девять часов; суббота и воскресенье — выходные дни.

Начинала г-жа Тарзи с малого — с 20 старых швейных машин, а сейчас на фабрике современное оборудование. Производство растет, расширяется. За небольшой срок его капитал, предоставленный первоначально в кредит государством, увеличился в десять раз.

Г-жа Тарзи сама и модельер, и художник. Она поддерживает связь с парижскими домами моделей, и любая парижская новинка появляется в Тунисе уже через две недели.

С большим юмором г-жа Тарзи поведала мне, какой скандал ей устроила родня, когда она, девушка из «приличной», зажиточной семьи, решила идти работать. Сейчас, когда ее деловые качества проявились в полной мере, об этом никто не вспоминает.

Радия Хаддад радушно приняла меня, рассказала о работе Национального союза тунисских женщин. Основной упор делается на трудоустройство и профессиональное обучение, то есть на увеличение доли женского труда в производстве, на расширение сферы его применения.

Много женщин работает на новых предприятиях швейной и трикотажной промышленности. Для молодых девушек организованы курсы, где они могут приобрести знания в области сельского хозяйства, школы администраторов и обслуживающего персонала гостиниц и пансионатов. Сейчас в Тунисе уже не редкость женщина-педагог, экономист, художник.

Три женщины, в том числе и сама Радия Хаддад, являются членами парламента республики. Большое число женщин занимает выборные должности в органах местного самоуправления.

На каждом шагу в этой небольшой стране мы встречали ростки нового, признаки прогресса. Хочется верить, что они будут развиваться и крепнуть.

Крытый спортивный комплекс в столице страны, построенный по проекту и при техническом содействии Болгарской Народной Республики.

Фото А. Стужина (ТАСС)

мов. Раз в неделю на три часа клуб отдают детям. Джамиля показывает им кино, занимается с ними пением.

«Хозяйка» клуба с гордостью рассказала нам, что была в Со-

женскими организациями мира, в том числе и с Комитетом советских женщин. Президент союза Радия Хаддад была главой тунисской делегации на Международном женском конгрессе в Москве.